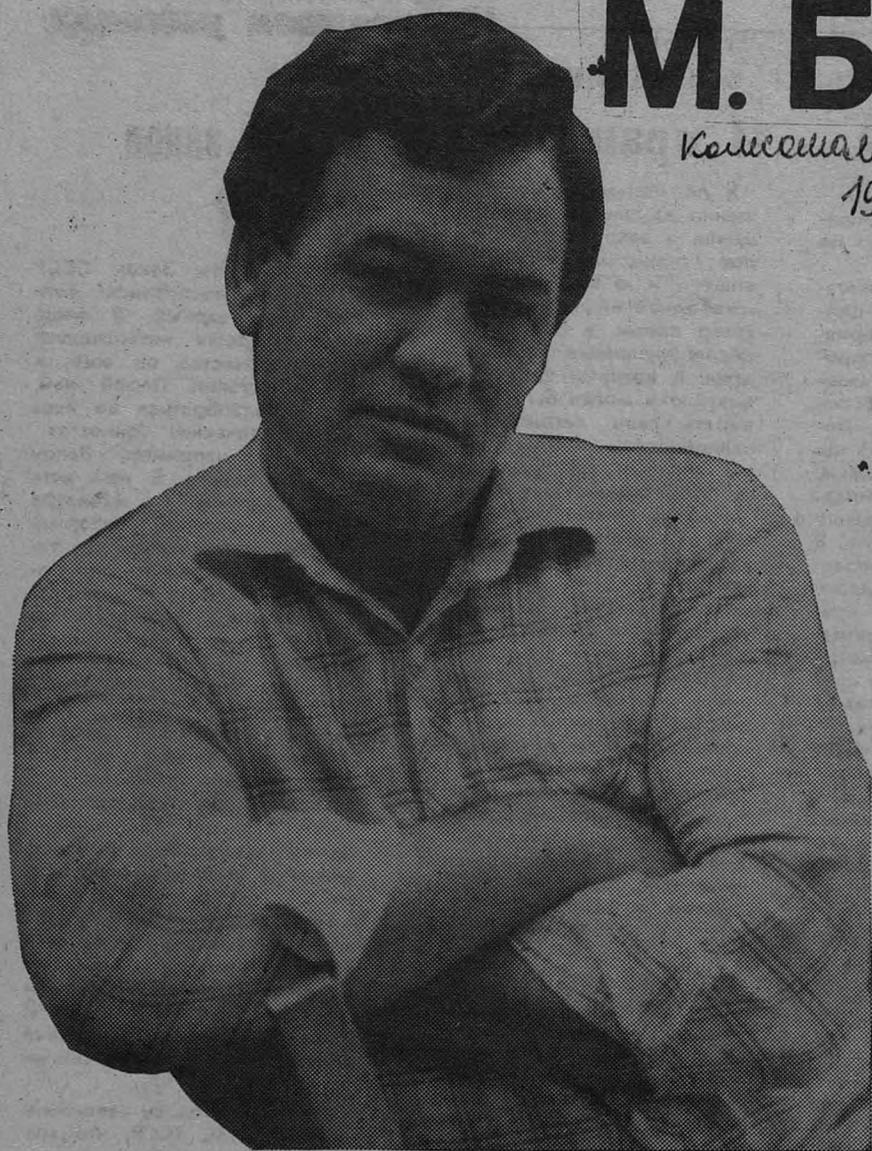

М. БАБАЕВ:

Кинорежиссер Туркменистана. — Ашхабад.
1990. — 14 июля. — с. 4

„Я всегда
хотел
быть
первым.“

Несколько недель назад еженедельник «КТ» рассказал о туркменском режиссере Мураде Алиеве, постановщике фильмов «История одного пробега», «Аура», «Ченч»... И было бы несправедливо умолчать о главном «герое» этих шумевших кинолент — сценаристе Мамеде Бабаеве. Впрочем, на сей раз наша задача оказалась несложной. Мамед так искренне и подробно рассказал о себе, что интервью с ним и есть рассказ о человеке, гражданине, художнике.

— Мамед, многие считают, что тот, кто волею фортуны попал в номенклатуру комсомольского, партийного и советского аппарата, сделал себе карьеру на всю оставшуюся жизнь. Вам, бывшему работнику ЦК ЛКСМТ, бывшему секретарю Ашхабадского обкома Комсомола, не повезло. Карьеры на этом поприще вы не сделали. Почему?

— Где-то вы не правы. В комсомоле я сделал себе карьеру. Знал также, что меня будут «двигать» дальше. Уже выдвигали на новую должность. Но знаете, чтобы не отбиться от «стаи», нужно жить по ее писанным и неписанным законам. Я нарушил — развелся с женой. И оказался «врагом народа», совершившим чуть ли не предательство. Таких смельчаков наказывали: снимали с должности, закрывали перед всеми двери. Я понимал, что все это меня ждет. Но больше не мог обманывать ни себя, ни других. В один прекрасный день сел и написал заявление: «Прошу уволить меня с работы, в связи с тем, что я развожусь с женой...». Не скрою тяжело потом пришлось.

— Тем не менее, ваше имя известно сегодня не только в нашей республике, стране, но и за рубежом. В короткое время вы сделали в кинематографии больше, чем многие ваши коллеги за всю жизнь. Замечу также, что для этого потребовалось немало мужества, стойкости и упорства. Где их истоки?

— Мой отец — ветеринар, человек простой, но мудрый. По его настоянию я с четырех лет отправлялся в горы, к своему дяде-чабану. И до окончания школы все каникулы пас овец. Туркменская пословица гласит: «Если кто-то увидит святого Хыдыра (мусульманский пророк — ред.), то увидит его только чабан». Эти слова — дань уважения народа к труду его кормильца-чабана, его глубокой порядочности, чистоте помыслов. Какое это труд — знаю. Мои ладони хранят память о том времени, когда в 50-градусную жару я вытягивал из колодца по 500—600 ведер воды, когда из волдырей на руках сочилась кровь. Там, в горах, было частое мужское воспитание. Взрослые мужчины смеялись, видя слезы, слезы боли и усталости. Но сегодня в моем сердце нет обиды на них. Осталась благодарность за то, что научили меня гордости, уменью стойко переносить невзгоды. Но больше всего я благодарен своему отцу. Когда я провалился на злупительных экза-

менах в ТГУ из-за незнания туркменского языка, он отправил меня в глухое село. Два года проработал в школе учителем русского языка. Учил ребяташек и учился сам. Туркменскому, традициям, обычаям своего народа, впитывал в себя его культуру. Без этого из меня вряд ли что-либо получилось. И вот, когда я безжалостно был выброшен на улицу, остался без средств к существованию, жилья, гордость спасла меня. Начал свою жизнь сначала, причем с того, к чему стремился всю жизнь, — пошел в кино. Первая моя должность в «Туркменфильме» — старший редактор, сегодня — свободный режиссер.

— Те, кто видел киноленту «Аура», утверждают, что это страшный фильм. И только хорошо зная ситуацию с наркоманией в Туркмени, можно было написать такой правдивый сценарий.

— Я, действительно, знаю о наркомании больше, чем многие другие. Друг, с которым я рос, — мальчик из очень хорошей, образованной семьи. Вот уже много лет он скитается по тюрьмам. Мой друг детства — наркоман, и он уже никогда не вернется в общество. Много наркоманов и среди моих знакомых, безнадежно больных людей. Я давно хотел рассказать о трагедии моего народа — монополии хлопка: ничего страшнее не знаю. В чем трагедия? В том, что каторжный труд, отупляющий мозг, не оставляет времени думать и подумать: зачем все это? Однажды, студентом-деревогодком, был на хлопке в Теджене. И увидел, как младенцы беспорядочно спали от зари до захода солнца. Был страшно удивлен такими спокойными детьми. Потом мне объяснили: матери дают своим деткам наркотики, чтобы не мешали собирать хлопок. Видел и другое: люди употребляли «зелень» в качестве лекарства, от боли. Выхода нет, как и встарь. На селе горе-медики, порой неспособные присчитать название лекарства. Им ли знать, как облегчить страдание больного человека? Давно носил эту боль, и когда появилась трибуна, молчать не смог. Считаю, во всем виновата система, в которой мы живем. Фильм, основанный на фактах, — тому свидетельство.

— Мамед, «Аура», — не первый ваш бой с системой. Сначала была «История одного пробега», потом «У опасной черты», «Женская тюрьма» и т. д. Складывается впечатление, что вы сознательно подставляете свою грудь под «пули».

— Не буду скрывать, с каждой новой картиной у меня становится не только больше друзей, но и врагов. Но я, действительно, сознательно на это шел. Хотел взбалмутить покой тех, кто уверен в своей безнаказанности и всеилии. И сегодня любая ошибка может мне дорого стоить. Говорят, когда умер Чингиз-хан и его похоронили, то пустили табун лошадей, и никто не может найти могилы. Споткнулся — и по мне пройдет табун. В какой только форме не было угроз после первых моих фильмов. Сегодня легче. Я не тот мальчик, которого можно просто взять и шлепнуть. Хотя страх за людей — моих единомышленников и помощников, моих близких — есть.

— И все же...

— И все же иначе не могу. У меня есть принцип, если дал слово, должен сдержать его во что бы то ни стало. Я уже работал главным редактором киностудии, когда ко мне пришли и рассказали о страшной участи ахалтекинца, о беспомощных попытках спасти его, предоставили материалы, факты. Я дал обещание написать сценарий. Судьбу «Истории одного пробега» вы знаете. Эта кинолента долго лежала на полке. Пока не появился человек, который все понял и пустил ее в прокат. Понял, что нет в ней ничего антисоветского, оскорбляющего нацию. Это — бывший секретарь ЦК КПТ Клычмурды Сахатмурадов. Незадолго до своей смерти он посмотрел фильм. В тот день я впервые увидел в кинозале мужчину, который смотрел на экран и плакал. И, может быть, не уйдя из жизни этот человек, всем нам, создателям фильма, было бы легче жить. Ведь война с нами еще не окончилась. Люди, виновные в горькой судьбе туркменского коня, остались прежних должностях. Если вы видели фильм, помните его отрицательного героя — Базарбая Мередова, главного коневода республики, не разбирающегося в элементарном — масти лошадей. Он здоровует на прежнем месте, да и многие другие. А люди, которые болели душой за дело, пытались решать проблемы, остались за бортом. Марию Даниловну Черкезову выгнали с работы, не лучше участь ее сподвижников. Да, мы добились того, что ахалтекинец сохранен для потомков. Но какой ценой...

В семье, где я вырос, был культ женщины-матери, бабушки. В 1937 году мой дед по отцу был арестован якобы за то, что был баем, хотя он отдал государству почти все, что имел: баранов, верблюдов, коней. Умер в Архангельске. А дед по матери вернулся из тюрьмы, только потому, что ослеп. Его называли муллой. Так что главой семьи была бабушка и уважение к ней бесконечно глубокое. Однажды я снимал фильм по

заказу телевидения о самосожжении женщины-туркменки. Пришел в исправительно-трудовую колонию для женщин, где должна была содержаться мать самоубийцы. Ужас охватил меня при виде женщин-заключенных. После увиденного и услышанного уже не мог остаться в стороне. Из всех сидящих в ИТК от силы 10 закоренелых преступниц. За что других оторвали от дома, от семьи? Безжалостная система уничтожает само понятие мать. Самое страшное, что называется невинное дитя. Кто дал нам это право? Сделал картину «Женская тюрьма», чтобы люди посмотрели на самих себя: ведь мы превращаемся в зверей.

— Мамед, в ваших ответах промелькнула фраза, что вы свободный режиссер. Что это значит?

— Открыта хозяйственная независимая киностудия (базируется в «Туркменфильме») — творческое производственное объединение «Огузфильм», руководителем которого я являюсь. У нас своя печать, штамп. Будем снимать фильмы по заказу предприятий и организаций. Зарабатывать деньги — не самоцель. Средства позволяют снимать фильмы, какие мы хотим. Здесь я не только сценарист, но и режиссер.

— Вы первый человек в республике из мира искусства, кому удалось стать свободным художником. Значит карьеру вы все же сделали!

— Я всегда хотел быть первым. Есть люди, которые считают меня карьеристом. Видимо, дело в громких «титулах»: секретарь Союза кинематографистов Туркмени, секретарь партийной организации киностудии, депутат горсовета, председатель Федерации спортивного кино и телевидения Госкомспорта ТССР, заместитель международной Ассоциации по борьбе с наркоманией и бог знает еще кто. Но поверьте, ничего мне этого не надо. Интересно другое. Несколько месяцев назад я познакомился с предпринимателем из Саудовской Аравии, господином Шабаном. Ему близки проблемы моей родины. Не могу рассказать пока обо всех наших планах. Но соглашение о создании совместного предприятия уже подписано. В Ашхабаде появится компьютерный центр, валютный магазин, бар, арабский ресторан.

— А фильмы!

— Конечно, это главное. Вскоре на экраны кинотеатров выйдет фильм «6-й отдел» о борьбе с организованной преступностью. Готовлюсь к съемке художественного фильма. Прототип главного его героя — чабан, мой дядя, который так и умер с уверенностью, что властитель на земле — первый секретарь райкома.

Мargarита ГУРЕВИЧ:

Фото АТА МЕРЕДОВА.